

Мы едем, едем, едем

Дом актера. — 1997. — янв. — с. 14.

Мы в гостях у театра на Перовской

Мы решили открыть новую рубрику — не все же нам приглашать гостей, хочется, чтобы и нас приглашали. Наши давние друзья — Театр на Перовской и его художественный руководитель Кирилл Панченко — стали первыми. Приглашение было очень галантным: поскольку театр расположен довольно далеко, дирекция прислала к Дому Актера рафик, и редакция, в полном составе, выехала в отдаленный район столицы. Казалось, все билетеры и сотрудники театра были предупреждены о нашем визите. Те из нас, кто давно не был в этом театре, с интересом разглядывали небольшое фойе, в котором играла «живая» музыка, чинных и нарядных зрителей. Театр на Перовской — единственный на огромный район и, безусловно, главный культурный центр: зрители относятся к выходу в театр очень серьезно. В зале всего сто мест, имеется и ложа, куда нас и посадили. Пора сказать, что мы пришли смотреть спектакль «Лес», который Кирилл Панченко выпустил недавно. Режиссер предупредил, что текст Островского играет без купюр, поэтому спектакль идет долго — три с половиной часа. Правда, как он считает, это первая постановка «Леса», которую публика выдерживает до конца. Поняв, что пути к отступлению нет, мы приготовились к серьезному испытанию... В антракте режиссер немного рассказал о труппе. В ней шестнадцать человек, некоторые работают со дня основания театра (напомним, что существует он десятый сезон), другие пришли недавно. Так, двое исполнителей — Несчастливцев и Аксюша — дебютировали в этом спектакле. Оба они из Свердловска. Заслуженный артист России Юрий Шерстнев — исполнитель роли Восмибрата — пришел на Перовскую из театра «Сфера».

Добавим, что актеры театра не жалуются на материальное положение: здесь, как и везде, существует тарифная сетка, но вместе с премиями и прочими выплатами зарплата может составить полтора миллиона...

После спектакля состоялось беседа в кабинете главного режиссера.

Была уже ночь, когда водитель рафика отвез нас обратно.

Спектакль удивил сочетанием добросовестного подхода к материалу и наивности режиссерского языка. Панченко вспоминает, что Островский назвал «Лес» комедией — однако постановка тяготеет, скорее, к балагану. Оформление сцены — мраморные ангелочки с позолоченными причинными местами, вывеска «Усадьба г-жи Гурмыжской» в виде сердца, проткнутого стрелой, чересчур откровенные туалеты пожилой помещицы — все это намекает на сладострастную, похотливую природу «лесных обитателей». Счастливец и Несчастливцев, призванные оттенить мир тех, кто населяет «Пеньки», решены в том же ключе и сыграны по тем же правилам, что и «отрицательные» персонажи.

Ирина Глущенко

Спектакль не спасают от тяжеловесности литературоведческие изыскания режиссера. Не понимаю, зачем Кирилл Панченко взялся за постановку не самой лучшей пьесы Островского, хотя, признаться, я впервые высидела представление «Леса» до конца. Мысли о снах разума, порождающих чудовища, и порочности русской усадьбы культуры можно было бы прочесть на оборот, будь вместо Островского на столе у режиссера пьеса Чехова.

Марина Красичкова

Радует уважение к автору: впервые, как утверждает режиссер, текст не подвергся даже малейшим сокращениям — и зритель имеет возможность слушать голос драматурга без искажений /и долго/. Лес как джунгли, где властвуют свои законы, где человеческое подменяется животным, — у Островского для такой картинки есть все основания. Как и для двух Актеров — божьей-алкоголиков. Недаром драматической актрисой они так и не обзавелись: жуткие

заросли Аксюша предпочла-таки воле по-лицейски.

Другой вопрос — насколько столь жесткое прочтение раскрепощает или затормаживает исполнителей: это станет ясным после премьерных спектаклей.

Геннадий Демин

Когда в двадцатые Мейерхольд ставил свой революционный «Лес», он утверждал, что текстам Островского присуще тяготение к праздничной театральности: социальная комедия масок уравнивалась в правах с италийской комедией dell'arte. Когда смотришь спектакль «Лес» в театре на Перовской, то кажется, режиссер Кирилл Панченко штудировал Мейерхольда, но вместе с тем, он поместил маски Гурмыжской, Буланова, Счастливец, Несчастливцев и др. в атмосферу театральной традиции Малого. Скажем, Восмибратов — актер Юрий Шерстнев — сыгран сочно в утрированной стилистике. Этот мужик не чуждый капитализму первой формации, здесь Восмибратов успел цивилизоваться, повадку хищника упрятав под модный сюртук и цилиндр. Такой Восмибратов способен обмануть Гурмыжскую, с которой у него отнюдь не платоническая интрижка. Гурмыжская в спектакле столь грубо и откровенно соблазняет каждого, что заставляет вспомнить трактовку Мейерхольда и усомниться в декларированном намерении тишайского чтения. Есе-таки Гурмыжская известна в губернии своими добродетелями. Лицемерие нуждается в сокрытии чего-то, а не в раздевании всех.

Панченко в беседе после спектакля откровенничался от влияния Мейерхольда, утверждая, что ставил «Лес» о первобытных диких инстинктах человека; он уверял, что русская усадьба развращала и бар, и рабов. Единственные, кто вне этого дремучего леса, — актеры. Однако и лицедеи Панченко не жалует, называя божьими, бичами.

Спорная концепция режиссера все же не столь ясно читалась через сам спектакль. На мой взгляд, пьеса сопротивляется столь агрессивной разночинской трактовке о развращенном мире русской усадьбы, которая в истории давала разнополярные примеры. Кирилл Панченко отнесся с внешним доверием к тексту. Налицо добросовестное детальное воспроизведение фабулы, внимание к деталям и частностям. Режиссером проштудирована широко и глубоко историческая литература. Однако Панченко больше доверяет фактам истории, нежели духу произведения Островского. За деревьями он иногда не видит «Леса».

Мне особенно жаль, что исчезла поэзия Островского, которая разлита в том числе и в комедиях драматурга.

Ольга Галахова

Существует понятие субкультуры, без которого полнота художественной жизни была бы недоступна. Театр на Перовской, окраинный театр Москвы, — одна из частичек субкультуры. Театр Кирилла Панченко важен так же, как выездные спектакли Малого театра в рабочие районы, в пригороды в первые годы революции. Важен, как любое проявление хорошей массовой народнической культуры, предназначенной для простого зрителя. При этом художественный уровень Театра Перовской не обращается в китч, в безвкусицу, в зрелище на потребу публики.

Павел Руднев

P.S. У Кирилла Панченко редкое для режиссера качество: он ждет не только комплиментов, но и серьезного разбора, быть может, не всегда лицеприятного. Мнения критика и зрителя, как известно, не всегда совпадают. Зритель приходит в театр, чтобы получить удовольствие (и получает его на этом спектакле), критик же обязан раскрыть перед режиссером неиспользованные возможности пьесы, исполнителей и самого постановщика. Мы уверены, что Театр на Перовской еще не исчерпал своих богатых возможностей.

Геннадий Несчастливцев — Денис Налочный